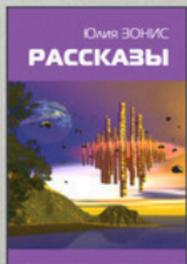


Юлия Зонис, Ина Голдин

Ignis fatuus



*Часть сборника
Рассказы*



Ина Голдин
Юлия Зонис
Ignis fatuus
Серия «За плечом Ориона»

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2670035

Аннотация

«Джек Рюноскэ сидел на корточках на вершине холма и любовался морем травы, а Марк любовался Джеком. Слово „любовался“ как в первом, так и во втором случае неточно описывает процесс. Джек, *возможно*, любовался морем травы. Все утверждения, связанные с Джеком, носили оттенок неопределенности. Марк пытался понять, что творится у Джека в голове. И лишь море травы было именно морем травы, ромашковым, сизым, лиловым, рыжеющим к горизонту. По нему перекатывались волны. Не от ветра. Просто эта трава плясала всегда...»

Содержание

| | |
|--------------------------------------|----|
| Планета Луг, тридцать первое октября | 4 |
| Колония на Экбе, пятнадцатое октября | 6 |
| Планета Луг, тридцать первое октября | 11 |
| Колония на Экбе, пятнадцатое октября | 14 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 19 |

Юлия Зонис, Ина Голдин

Ignis fatuus

Планета Луг, тридцать первое октября

Джек Рюноскэ сидел на корточках на вершине холма и любовался морем травы, а Марк любовался Джеком. Слово «любовался» как в первом, так и во втором случае неточно описывает процесс. Джек, *возможно*, любовался морем травы. Все утверждения, связанные с Джеком, носили оттенок неопределенности. Марк пытался понять, что творится у Джека в голове. И лишь море травы было именно морем травы, ромашковым, сизым, лиловым, рыжеющим к горизонту. По нему перекачивались волны. Не от ветра. Просто эта трава плясала всегда.

Марк слишком пристально смотрел на Джека и потому не успел заметить, когда на лугу появились рядовой Тосс и сержант Джеремая. Уловив краем глаза движение, выбивающееся из общего ритма травяного приboя, Марк резко повернул голову. Рядовой Тосс и сержант Джеремая были уже там. Они плясали.

– Вы все умрете, – не оглядываясь, сказал Джек и выплю-

нул изжеванную травинку.

Колония на Экбе, пятнадцатое октября

Здоровенный мертвец был прикован к столу наручниками. Входя в комнату, Марк ожидал ощутить зловоние. В комнате и вправду сильно пахло, но совсем не отвратительно – разогретым деревом, смолой... травой. Так пахло крыльцо дома, в котором родился Марк. Дом снесло пыльным смерчем вскоре после того, как семья Салливанов перебралась в Дублин. В штате Айова пыльные смерчи проложили маршруты, настолько аккуратные, что хоть электропоезда по ним пускай.

Мертвец шевельнулся. Синевато-черное пятно тления на его щеке дернулось, как будто заключенный попытался улыбнуться. Марк подошел к столу и уселся напротив мертвеца.

– Тренсонвилл, штат Пенсильвания. Отличные там тыквенные пироги пекут.

Упоминание о тыквенном пироге можно было бы счесть издевательством, обнаружись у покойного хоть какое-то чувство юмора. Однако лицо мертвого осталось неподвижным.

– Вообще умеют пенсильванцы отмечать День Всех Святых. Я бы тебя, друг, положил в гроб и поставил у парадного. Впрочем, нет. Из гроба неудобно раздавать конфеты. Разве

что проделать в крышке окошко...

Мертвец пошамкал губами и сказал:

– Мыфка фыфка любит фыр.

– Чеддер? Могу предложить тебе красный чеддер, правда, сублимированный. Или ты предпочитаешь рокфор? Извини, вонючего и с плесенью в хозяйстве не держим.

– Роскошные формы вдовы Дженкинсон внушают благоговение ее поклонникам, – живо откликнулся мертвец.

Шепелявить он почему-то перестал. Марк вздохнул.

– Твоего деда завалило в шахте. Это случилось семьдесят лет назад, в местечке Тренсонвилл в штате Пенсильвания. На его могилу родственники принесли венок из сосновых веток. Твоя мать получила компенсацию от государства, прошла курс омоложения и подалась в актрисы. Твой отец работал инженером на станции Луна-Альфа. Его звали Свен Андерсен. Он с четырнадцати лет коллекционировал записи с изображением груди твоей матери. Конкретно, ее левого соска. У него собралось ровно сорок восемь секунд видео. Левый сосок твоей матери был на восемь миллиметров шире правого. С маленькой красной родинкой наверху, примерно на три часа...

– Сейсмическая активность на шахтах в районе Экбе-13 превышает допустимый уровень.

Математики, нейробиологи, врачи и этологи уже прогнали бывшего инженера по буровзрывным работам Клайва Андерсена через все известные науке тесты. Электрическая ак-

тивность в мозгу пациента отсутствовала, мертвые синапсы никак не реагировали на нейротрансмиттеры. На цифру три подопытный обращал не больше внимания, чем на смену зеленого круга и красного треугольника. Подопытному хотелось плясать. Подопытному хотелось плясать, но ни рвущийся из динамиков фокстрот, ни рэп и ни входящий в моду джанги не смогли ни на такт сбить внутренний ритм его танца. Единственное, что приковывало внимание мертвеца – это маленький паучок, трудолюбиво майстрячащий свою паутину в углу камеры. Андерсен любовался работой паука часами, но в ответ на предъявленную ему изящную сетку фракталов даже не зевнул. Покойник мог реагировать на визуальные, тактильные и прочие раздражители. Или не реагировать. Или путать звук со светом, а свет с ударом тока. То, что он сейчас вообще говорил, было удачей или случайностью.

Марк всмотрелся в лицо мертвого. Так бредут сквозь доходящую до груди вязкую жидкость: тяжело, очень тяжело и, главное, бесполезно. Как и в прошлый раз, как и в двадцатый раз до этого, после первых шагов Марк наткнулся на скользкую пленку – вроде стекла или внутренностей огромной рыбы. За пленкой ощущались глухие удары, биение чужого и абсолютно чуждого пульса. Если бы можно было пробить преграду, разрезать или перехватить нить, связывающую марионетку с кукловодом... Нет. Телепатия оказалась не сильнее физики и биологии, и Салливану остались

лишь бессмысленные фонемы. По-честному, ему следовало бы признать поражение, составить рапорт и убраться прочь с Экбе. Только Марк не привык проигрывать. Он мог прочесть любого. Если в трупe осталось хоть что-то от бывшего инженера Андерсена, сына Свена и Лолиты Андерсен, Марк вытащит это на поверхность.

– Две маленьких птички,
Сидят на стене.
И одна из них
Свалилась во сне.
И вся королевская конница,
Вся королевская рать
Учит тех птичек
Пшеницу не воровать¹.

Бывший инженер Андерсен приподнялся со стула. Наручники соскользнули с его крупных кистей, будто смазанные маслом. Не обращая внимания на пронзительный вой сигнализации и на метнувшегося к двери Марка, мертвый проплясал прямиком в угол, снял со стены паучка и аккуратно раздавил между большим и указательным пальцами. Зеленый болотный огонек, *ignis fatuus*, все это время висевший над головой мертвеца и придававший его плоти травянистый оттенок, мигнул и вспыхнул ярче. Марк пулей вылетел из комнаты и так и не увидел, присоединился ли к пляске мертвый

¹ Здесь Марк ухитрился смешать целых три английских детских стишка.

паук.

Планета Луг, тридцать первое октября

– Вы все умрете, – сказал Джек.

Пляшущие в траве морпехи с холма выглядели маленькими, хотя каждый из них был как минимум на голову выше Салливана. Разреженный воздух улучшал видимость, отчето черные дырки во лбу обоих морпехов казались еще более четкими. Обоих расстреляли за дезертирство. Редко кто не дезертировал бы, поглядев на пляски мертвых шахтеров на Экбе. Там, в отличие от планеты Луг, не было никакого разнотравья. Были отвалы пустой породы, вагонетки, серенькое с рыжиной небо над котлованами, все в угольной дымке. Уголь внизу, уголь вверху. В нижнем угле Плясуны протоптали ровные, словно циркулем вычерченные круги. Черные антрацитовые дорожки, до блеска отполированные сотнями ног в шахтерских ботинках. Сила тяжести на Экбе в полтора раза меньше земной, и ботинки подковывали свинцом. Р-раз – четыре десятка левых ног ударяют о замусоренный грунт. Руки пляшущих лежат на плечах соседей, танец слегка напоминает греческий сиртаки, но ритм кажется замедленным и одновременно рваным – словно мертвые с натугой выплывают одно длинное, тягучее слово. Два – четыре десятка правых ног утыкаются в землю, и в небо взвиваются новые

облачка угольной пыли, делая его чуть более черным. Уголь, бесполезный хлам, бесполезный всюду, кроме этой нищей системки. Скоро здесь не будет никакого угля. Дымка в небе складывается в узоры, отдаленно напоминающие фракталы и, опускаясь под собственной тяжестью, нежно целует землю. В местах поцелуев земля разжижается, сначала подергиваясь масляной пленкой, а затем превращается в туман. Туман скрывает танцующих...

– Тебя не пугает смерть, инквизитор?

Джек усмехался. Марк пожал плечами.

– Все когда-нибудь умрут. И, пожалуйста, не называйте меня инквизитором. Вы ведь знаете – я нейролингвист. Специалист по невербальным коммуникациям.

– Ты специалист по допросам. Не стоит стесняться. В мои времена твоя профессия была в цене. Ты пользовался бы большим успехом.

И, после паузы, совсем уже непонятно закончил:

– А, может, еще и будешь.

Марк мог бы поинтересоваться, какие именно времена имеются в виду, но сдержался. Ответа он бы все равно не получил, а личное дело Джека успел изучить вдоль и поперек. Если верить этому документу, Джек родился тридцать пять лет назад в префектуре Шинагава, Токио. Еще в файле утверждалось, что Джека Рюноскэ расстреляли, но не за дезертирство, как тех двоих, а за убийство и шпионаж. И случилось это не на Экбе, а на Риньете, в двадцати световых го-

дах дальше от Земли. А за день до того, как Марк спешно покинул Экбу, пришли разведданные с Талассы и с Гектора, от которых до Земли вообще рукой подать. Кольцо Плюсунов сжималось, и именно поэтому у Марка Салливана, нейророллингвиста и инквизитора, не осталось такой роскоши, как право на сомнение.

Колония на Экбе, пятнадцатое октября

Пока разбушевавшегося инженера Андерсена ловили грависетью, Марк вышел на свежий воздух покурить. Подморозивало. Иней блестел на верхушке пятиметровой стены, отделяющей базу от всей остальной планеты. Иней колко поблескивал в свете прожекторов, и неожиданно Марку захотелось подняться на сторожевую вышку и посмотреть, что же творится там, снаружи. Он знал, что не увидит ничего, кроме клубящегося тумана и мерцающих в нем огоньков. Шахты и завод по переработке руды давно исчезли, их проглотила едкая слякоть, с каждым днем подползающая все ближе к базе. Отправленные туда команды роботов-пехотинцев и платформы с нефтью исчезли навеки, вакуумные бомбы не взорвались, а ядерная бомбардировка доказала свою неэффективность еще на Риньете. Ни электромагнитные волны, ни гравитационный пресс не остановили Плясунов. Все проваливалось в эту туманную взвесь, как в черную дыру – и хорошо еще, что дыра не выплевывала армейские сюрпризы обратно.

Салливан сплюнул кислую от табака и кофе слюну, передернул плечами и уже шагнул к забору, когда сзади хлопнула дверь. Марк обернулся. Полковник Питер Нори, началь-

ник разведки базы – а, проще, командир летучего егерского отряда, до недавнего времени занимавшегося отловом мертвецов.

Полковник зябко поежился и тоже вытащил из кармана сигареты. Вспыхнул оранжевый огонек, и в его свете морщины, бегущие от носа Нори к уголкам рта, показались особенно резкими.

– Как вы думаете, капитан, что они делают?

Марк сдержал усмешку. Военным он не был, но вместе с заданием получил все необходимые удостоверения. Понятно, среди армейских лучше выглядеть своим. Другое отношение. В ордене его чин равнялся, пожалуй, лейтенантскому – вот такое получилось неожиданное повышение.

– Кто, Плясуны?

Полковник кивнул.

– Что они делают, как раз очевидно. Они терраформируют.

– Тераформируют?

Нори покачал головой и раздраженно добавил:

– Так у вас в штабе называют это?

Полковник ткнул пальцем в сторону изгороди. Марк коротко взглянул туда, где над блестящей кромкой стены туманное облако жрало звезды.

– Мы строим купола и сажаем кислородный бамбук. Они выдергивают из земли наших мертвецов и пускают их в пляс. На первый взгляд, ничего общего, но если бы на это смотрел

кто-то выше и их и нас... в сущности, та же возня.

Тут Марк хмыкнул, и армейский немедленно ошетинился.

– Вы видите в ситуации что-то смешное?

– Да нет, просто вспомнил. Мой отец был палеоэтнографом... редкая сейчас профессия. Они с дедом спорили часами. Отец утверждал, что во всех дедовских побасенках о Маленьком Народце есть зерно истины. Что, мол, это эхо от эха воспоминаний о цивилизации, предшествовавшей человечеству и благополучно вымершей. Деда, а он был историком литературы и фольклористом-любителем, от такого прозаического взгляда на тайны фейри чуть кондрашка не брала. В ход шли Эннис, Бриггс и Крофтон Крокер, а однажды дед даже запустил в папашу бутылкой виски...

– И что же?

– А то, дорогой мой Нори, что наши зеленые огоньки – рядовой состав, если я не ошибаюсь, окрестил их светляками – так вот, они как две капли воды похожи на уилл-о-уиспы, болотные огни из дедовских рассказов.

– Вы хотите сказать, что мертвяков заставляют плясать феи?

– Нет. Я хочу сказать, что все в этом мире – только вопрос терминологии.

Полковник снова поежился, но на сей раз не от холода. Он пристально уставился на Марка поверх затухающего сигаретного огонька.

– Я знаю, Салливан, кто вы такой.

– И кто же я, по-вашему, такой?

Неожиданно полковник ухмыльнулся.

– Наш новый клиент называет вас инквизитором.

– Новый клиент?

– Ага. Старого мы слегка повредили сетью. Но этот типчик что-то особенное. Он вам понравится.

Нори сделал паузу, ожидая, что Марк проявит любопытство – однако Марк любопытства не проявлял. Военный разочарованно скривился и договорил:

– Над этим субъектом нет никакого огонька. И он вполне вменяем.

– Ого, что-то новенькое.

На самом деле, никакого оживления Марк не испытывал, но энтузиазм воякам по душе. Нори довольно хмыкнул.

– И еще какое. Начать с того, что он заявился к нам сам и сначала потребовал сигарет, а затем вас.

Джека Рюноскэ расстреляли на Риньете за военный шпионаж и убийство вышестоящего офицера. Формулировка заставила Марка улыбнуться. Можно подумать, что убийство низшего по чину – пустяк, не стоящий трибунала. Итак, майора Джейкоба А. Рюноскэ расстреляли, честь по чести, и похоронили на военном кладбище в Асунсьоне. Через три дня на планету явились Плясуны, и кладбищенская земля зашевелилась. Через четыре дня Джека засекли с отплясывающи-

ми мертвецами. Через пять танцоров обработали напалмом. Останки идентифицировали, и, что самое интересное, Джек Рюноскэ среди них обнаружился. А еще через два месяца покойный майор Рюноскэ заявился в лагерь морпехов на Экбе и потребовал пачку сигарет. Он курил «Мальборо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.